

УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227

РЕКОНСТРУКЦИЯ «МЕСТ ПАМЯТИ» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

С.А. Шейпак

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 10а, Москва, Россия, 117198

В статье обосновывается возможность реконструировать в художественном дискурсе «места памяти», необходимые, по мысли историка П. Нора, для создания национальной идентичности. Использование художественного дискурса для выявления «мест памяти» позволяет учесть критические замечания, которые касались принципов отбора «мест памяти» у Нора: их избыточность и инструментализацию. Художественный дискурс как источник «мест памяти» подчеркивает их знаковый характер, поскольку субъективная авторская интерпретация «мест памяти» в каждом произведении определяет динамику их значений. Являясь, согласно Нора, узлами в сети коллективной памяти, «места памяти», выявленные в художественном дискурсе, показывают процесс формирования национальной коллективной памяти.

Сопоставление «мест памяти» в «Легенде веков» В. Гюго и романе М. Барреса «Лишенные корней» (*Les Déracinés*) показывает, как в каждом произведении меняется значение совпадающих в них «мест памяти». Каждое художественное произведение, актуализируя определенное «место памяти», по-новому его интерпретирует. Однако неразрывная связь субъекта воспоминания и «места памяти» позволяет создать задуманную Нора «вторичную историю», отражающую динамичную картину национальной коллективной памяти.

Ключевые слова: «места памяти», «вторичная история», художественный дискурс, лингвистический поворот

ВВЕДЕНИЕ

Концепция «мест памяти» была предложена Пьером Нора в качестве нового подхода к формированию национальной идентичности в 80-е годы XX века, когда из-за ущерба, нанесенного образу нации, во второй половине XX века перестала, по его мнению, работать традиционная историческая модель [Nora 1984: XVIII]. Излагая свою концепцию «истории-памяти», Нора упоминает о том, что память может материализоваться в двух формах: в форме истории и в литературной форме, которые традиционно существовали параллельно, но отдельно одна от другой [Nora 1984: XLII]. Отталкиваясь от этого утверждения Нора, можно предположить, что литературный дискурс может стать *par excellence* источником для реконструкции «мест памяти» в национальной истории.

В данной статье для реконструкции «мест памяти» были выбраны два произведения XIX века: поэтический цикл В. Гюго «Легенда веков» (1883) и роман М. Барреса “*Les Déracinés*” (1897). Название романа можно было бы перевести как «Лишенные корней», поскольку речь в нем идет о поколении, для которого утрата корней — связей с семьей и родной землей — грозит утратой всех жизненных ориентиров.

ЗНАКОВЫЙ ХАРАКТЕР «МЕСТ ПАМЯТИ»

Принцип старой модели, состоявший, согласно Нора, в том, чтобы выбирать из прошлого только факты, объяснявшие развитие нации, оказался бессилем одновременно перед лицом прошлого, настоящего и будущего [Nora 1984: XVI]. Старая модель предписывала, какие события прошлого необходимо сохранить для будущего. Нора утверждал, что необходимо создать символическую историю, которая отвечала бы лучше, чем классическая история, гражданским потребностям настоящего. Ее создание, по мнению Нора, требовало разорвать повествовательную непрерывность национального мифа, утвердившегося в национальной истории со времен III-й Республики.

В «новой истории» или «истории-памяти», по мысли Нора, должны звучать голоса тех, кто раньше не был слышен за официальными речами, создававшими национальный миф. Новая история мыслилась Нора как «вторичная история» (*histoire au second degré*), созданная из рассказов-воспоминаний [Nora 1984: XLII]. Поскольку потеряла свое значение институциональная память, долг памяти становится отныне долгом рассказчика, который создает «вторичную историю». Таким образом, значимыми становятся не сами рассказываемые события, а неизбежно происходящие с увеличением временной перспективы изменения в их восприятии и оценке, которые позволяют поставить под сомнение незыблемость национальной исторической традиции.

В концепции Нора «местом памяти» (*lieu de mémoire*) становятся культурные концепты, имеющие материальное, функциональное и символическое воплощение в национальной истории, способные воплотить «максимум смысла в минимуме знаков» [Nora 1984: XXXV]. Нора рассматривает «места памяти», несмотря на их разнообразную природу, как узлы, скрепляющие в единую сеть национальную коллективную память [Nora 1984: XLI]. Основной характеристикой «мест памяти» для Нора является их способность к метаморфозе, постоянному обновлению значений, внезапному появлению новых производных уже устоявшихся значений. Динамика значений «мест памяти» позволяет выявить изменения в структуре национальной коллективной памяти. Благодаря череде забвений, сменяющихся воспоминаниями, единая сеть «мест памяти» будет производить эффект *mis en abîme* [Nora 1984: XXXVII]. В каждый новый исторический момент будет происходить актуализация, с одной стороны, различных «мест памяти»: исторических лиц или событий, предметов, зданий, географических объектов, праздников, ритуалов, произведений искусства. А, с другой стороны, значение каждого «места памяти» в момент его актуализации будет неразрывно связано с субъектом воспоминаний. Постоянные изменения в значениях «мест памяти» позволили Нора говорить об отсутствии у «мест памяти» референта в реальном мире. Нора их называет «знаками, отсылающими к самим себе, знаками в буквальном смысле этого слова, которые при постоянстве формы постоянно открыты для обновления значения» [Nora 1984: XLI].

«МЕСТА ПАМЯТИ» И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ДИСКУРС

Из-за принципов отбора «мест памяти», использованных для многотомного издания *Lieux de mémoire*, концепция Нора подверглась критике со стороны французских историков по двум позициям: с точки зрения изучения истории и с точки

зрения развития исторической науки [Gervereau 2011; Hutton 2106: 234]. Критику вызвала, в первую очередь, их избыточность и инструментализация, ставшая результатом их хронологической ограниченности. Ограниченные рамками последних 200 лет национальной истории, «места памяти» в издании под редакцией Нора, по мнению его оппонентов, приобретали идеологический характер. Будучи значимыми на определенном политическом этапе, они утрачивали свою важность в последующем. Иной подход к отбору «мест памяти» может быть использован, если для их выделения будет использован не традиционный исторический дискурс, а художественный дискурс.

Сближение подходов к анализу художественного и исторического дискурсов, начавшееся в 60-е годы прошлого века, обозначают как «лингвистический поворот» в историографии [Потапова 2015: 79]. Н.Д. Потапова, описывая этапы развития лингвистических идей в историографии, подчеркивает, что в полемике по вопросу, является ли история повествованием и можно ли применять к историческим текстам приемы литературного анализа, огромную роль имела публикация «Метаистории» Х. Уайта [Потапова 2015: 94]. Уайт утверждал, что успех исторической теории зависит в большей степени от литературной формы ее изложения и интерпретативных стратегий, выбранных автором для ее изложения, а не от значимости исторических данных, на которые тот опирался [Уайт 2002: 495]. Уайт показал в своей работе, что «историческое поле конституируется как возможная сфера анализа в языковом акте, тропологическом по своей природе» [Уайт 2002: 496]. Ссылаясь на Канта и Коллингвуда, Уайт подчеркивал в заключении «Метаистории» неизбежную субъективность историка в изложении и интерпретации исторических фактов: «Мы свободны понимать историю так, как нам нравится, равно как мы свободны сделать из нее все, что мы хотим» [Уайт 2002: 501]. По мнению Потаповой, Уайт заложил основы для «художественного осмысления настоящего и прошлого как формы исследования и осознания важности художественных практик и импликаций в работе историка» [Потапова 2015: 95].

Опираясь на идеи Уайта о возможности использовать художественный дискурс как источник исторического знания и объект исторического анализа, для реконструкции «мест памяти» можно использовать художественные тексты. Многие литературные произведения, исходя из самой идеи их создания, могут служить самостоятельными источниками «мест памяти» в национальной традиции. Причем интерес представляет выявление разных смыслов, которые авторы произведений, стоящие на разных идеологических и эстетических позициях, вкладывают в одни и те же «места памяти». Сопоставление различных авторских интерпретаций позволяет показать изменения в значениях тех «мест памяти», которые их объединяют. Каждый автор, используя определенное «место памяти» как знак, будет встраивать его в свой смысловой интерпретационный контекст. Оппоненты упрекали Нора в избыточности, особенно в педагогических целях, и инструментализации «мест памяти», которые вошли в три объемных тома издания, подготовленного под его руководством. Реконструкция «мест памяти» через художественный дискурс, сохраняя, безусловно, достаточную степень субъективности, позволит фор-

мализовать процедуру их отбора. Благодаря субъективной авторской интерпретации художественные произведения будут подчеркивать изменения в значениях «мест памяти», определяя тем самым динамический характер национальной коллективной памяти.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МИФ У ГЮГО И БАРРЕСА

Поэтический цикл «*Легенда веков*» В. Гюго и роман «*Лишенные корней*» М. Барреса созданы в одну эпоху, когда проблемы формирования национального мифа особенно остро стояли перед французами [Мильчина 2005: 224]. Однако они отражают два различных взгляда французскую идентичность. Их взгляд из прошлого в будущее отличается в первую очередь глубиной собственного жизненного опыта: Баррес родился через три года после выхода в свет первой книги цикла «*Легенды веков*», работу над которым Гюго продолжал более 20 лет.

Движимый романтическим порывом, Гюго воплощает в «*Легенде веков*» стремление к идеалу, веру в великую и таинственную нить в лабиринте человечества, именуемую Прогрессом [Hugo 1859]. Он ставит перед собой такую же гигантскую задачу, как Нора, который хотел собрать воедино «места памяти», выражающие французскую национальный миф: рассмотреть род человеческий, как великую коллективную личность в его деяниях на протяжении многих эпох [Hugo 1859]. Мифологизируя исторические сюжеты и легенды, Гюго создает эпический цикл, построенный на антитезах, выражающих диалектическое единство законченности и незавершенности, единичности и универсальности художественного произведения [Полякова 2009: 128]. Образы эпических героев, воплощающие для Гюго героическое начало в жизни народа, борющегося за свои права, обретают особое значение для писателя, вынужденного отправиться в изгнание после провозглашения Второй Империи.

Баррес стал кумиром современников после публикации трилогии, объединенной идеей «культы самости» (*le Culte de Moi*), возникающего из противопоставления «себя» и «варварства» [Schenker 2007: 10]. Чтобы сохранить свое «Я» и стать полностью свободным человеком, необходимо вести постоянную борьбу с варварством, препятствующим саморазвитию. Позднее, отказавшись от индивидуализма, Баррес приходит к идее социальной энергии, которую он возводит в национальный принцип. К моменту выхода романа «*Лишенные корней*» Баррес примкнул к андрейфусарам и написал ряд статей антисемитского толка, резко выступая против Эмиля Золя, автора открытого письма “*J'accuse!*” в защиту Дрейфуса. В трилогии национальной энергии, частью которой были «*Лишенные корней*», он выражал идеи национального возрождения и традиционализма, считая семью и родную землю основой национальной идентичности [Schenker 2007: 8].

Различие в идеологических и эстетических взглядах Гюго и Барреса неизбежно отражаются в «местах памяти» каждого произведения. Эпохи, которые нашли отражение в их текстах, от Средних веков до конца XIX века, совпадают, однако «места памяти» для них различны. Гюго говорит о Святом Дионисии, Роланде, Ронсаре, Вольтере, Дидро, Гревской площади, Дантоне, Аустерлице, франко-прус-

ской войне и церемонии гражданских похорон. Для Барреса оказываются важны Мерovej, Святая Женеvьева, Сорбонна, Сен-Сир, Боссюэ, Робеспьер, Талейран, Маренго, Консулат, Бальзак, Тэн, Гизо, Ферри.

Стоит отметить, что роман Барреса превращает самого Гюго в «место памяти», поскольку он завершается описанием торжественной церемонии похорон писателя в 1885 году, одновременно патетическим по отношению к великому писателю и уничижительным для тех, кто из момента его славы пытался извлечь сиюминутную политическую выгоду [Barrès 1922: 464].

«МЕСТА ПАМЯТИ» У ГЮГО И БАРРЕСА

Несмотря на очевидное и легко объяснимое несовпадение «мест памяти» двух произведений, можно отметить и ряд совпадений тех знаков, о которых говорил Нора, сохраняющих форму, но по-разному интерпретируемых Гюго и Барресом. Совпадающих в двух текстах «мест памяти» немного: Карл Великий, Руссо, Революция, Тюильри, 1793 год, Пантеон, Наполеон I. Рассмотрим более подробно их интерпретации у Гюго и Барреса.

У Гюго Карл Великий появляется в стихотворении «Эмери» (*Aymerillot*), сюжет которого заимствован из эпической поэмы [Михайлов 2010: 340], однако, несмотря на мифопоэтический замысел всего цикла, который Гюго излагает в предисловии, тональность этого стихотворения скорее сатирическая. Гюго пародирует жесту о непокорных баронах, искажая содержание оригинальной поэмы об Эмери. У Гюго пэры Франции, которых Карл призывает освободить Нарбонну, захваченную сарацинами, один за другим отказываются от боя, причем нелепыми выглядят и призывы Карла («*ne voulez vous pas libérer Narbonne?*») / («*voudrez-vous pas prendre Narbonne un peu*»), и возражения баронов («*Se laissez le pays, car ce n'est pas votre affaire*») / («*Se laissez tout ce pays, car je n'en ai que faire*»). Гюго, сохраняя такие композиционно-стилистические особенности, как повторы, формульные эпитеты, высмеивает Карла и его баронов в духе фаблио, отступая от традиционно эпического изображения феодальной доблести. В романе Барреса образ империи Карла Великого возникает также с иронической интонацией в размышлениях о гегемонических устремлениях пролетариата завоевать европейское пространство [Barrès 1922: 245].

Оба автора апеллируют к Руссо: Гюго в стихотворении «Франция и душа» (*France et âme*) сравнивает его незатухающим факелом и называет его имя в ряду с Клебером, Мирабо и Вольтером, чьи идеи воодушевляли писателя в революционные дни; по словам Барреса, Руссо был источником вдохновения для юного Бонапарта, которого тот буквально «обожествлял» [Barrès 1922: 253, 258]. Руссо — единственный автор, кого Баррес приводит в пример, размышляя об удивительном времени, которое лицеист, стремящийся проникнуть в тайны философии и современной социальной жизни, проводит за чтением в библиотеке. По книгам Руссо юные читатели учатся любить и ценить дружбу, он зажигает их сердца и наполняет смыслом их будущую взрослую жизнь. Это тайное чтение, по мнению Барреса,

поражает воображение юных читателей и будит их чувства, томящиеся в темнице лица [Barrès 1922: 19].

Отлично у Гюго и Барреса отношение к Революции. Для Гюго в стихотворении «*Франция и душа*» — это эпическое событие, которое он мифологизирует. Он сравнивает ее сначала с Этной, чья лава повергала в ужас в первые годы, но затем стала приносить добрые плоды (*Sa lave alors terrible et maintenant féconde*); затем с Дианой, объявившей, под лай собачьих свор и звуки рожков, охоту на тиранов («*L'âpre chasse donnée aux tyrans par la France*»). Гюго воспринимает Революцию как сакральное событие, возвысившее Человека, позволившее ему стать вровень с Богами («*L'écroulement des rois c'est le sacre de l'homme/.../ C'était d'avoir grandi jusqu'aux cieux l'âme humaine*»). Ужасы первых лет Революции, кровавые события 1793 года Гюго также рисует эпически, ставя их в стихотворении *Видение* (*Tout était vision*) в один ряд с библейским пророчеством *Mané Thécel Pharès*, предрекшим гибель Вавилона и мартовскими идами.

Взгляд Барреса на Революцию не столь романтичен: его персонажи, рассуждая о лучших работах, посвященных оценке Революции, саркастически сравнивают труд Ипполита Тэна и доклады сельскохозяйственных комиссий, отдавая последним предпочтение из-за их успеха у читателей. Без оттенка пафоса о Революции говорит один из важнейших, с точки зрения замысла Барреса, персонажей романа — аристократ Сен-Филен [Barrès 1922: 343]. Он, единственный из юношей, покинувших Лотарингию, чтобы завоевать Париж, понимает, благодаря своим прочным корням, необходимость покинуть столицу, пока она не уничтожила его идеалы и традиции, и возвращается домой. Родные Сен-Филена были казнены в 1793 году, его семья не выбирала ни Революцию, ни послереволюционную Францию, однако, оставаясь ее сыновьями, они готовы ей служить.

Наполеон I, стал тем «местом памяти», чье восприятие объединяет Гюго и Барреса. Без оттенка иронии Гюго, преклоняясь перед величием Наполеона, сравнивает его с Карлом Великим и Цезарем. В стихотворении «*Возвращение Императора*» (*Le Retour de l'Empereur*), посвященном торжественному захоронению останков императора в Пантеоне, Гюго называет его горделивым орлом (*aigle indompté*), его сражения он описывает как борьбу с самим Иеговой, и его падение объясняет Божьей мстью за грандиозный замысел объединить народы под властью своей империи (*Mais de tels projets Dieu se venge*). В романе Барреса ключевой становится сцена, в которой юноши отправляются в Пантеон к могиле Наполеона [Barrès 1922: 241]. Для Барреса Наполеон — «место памяти», которое он ощущает как сгусток национальной энергии, объединяющий на протяжении века всех французов, независимо от их политических взглядов. Как и Гюго, Баррес говорит об эпическом призыве Императора, которому повинуются юные поколения, о той памяти, которую сохранили о Наполеоне все европейские народы: французы, немцы, итальянцы, поляки, русские. Всех их, так же как и молодых французов, Наполеон вывел из летаргического сна и продолжает вдохновлять каждое новое поколение бороться за свои идеалы [Barrès 1922: 245].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ «мест памяти» в художественном дискурсе подтвердил мысль П. Нора, что они могут рассматриваться как знаки, открытые для новых значений. Новые значения «мест памяти» проявляются в каждом произведении, которое их по-разному актуализирует. Напротив, трудно согласиться с мыслью Нора, о том, что у «мест памяти» нет референта в реальном мире. Принять такое утверждение историка можно было бы лишь с оговоркой, что каждая актуализация определенного «места памяти» будет его создавать для него новую систему референций, независимо от того, идет ли речь о нем в историческом или художественном дискурсе.

Достоинством художественного дискурса при анализе «мест памяти» можно считать его намеренную субъективность в реконструкции значимых феноменов национальной истории. Только такой авторский взгляд позволит создать задуманную Нора «вторичную историю», в которой память рассказчика спасает от забвения события минувшего времени, чтобы сформировать современную национальную идентичность, необходимую для движения в будущее.

© Шейпак С.А.

Дата поступления: 12.08.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мильчина В.А. «Послесловие к „Рейну“» Виктора Гюго: националистическая риторика как форма компенсации утраченного величия // Республика словесности: Франция в мировой интеллектуальной культуре / Отв. ред. С.Н. Зенкин. М.: Новое литературное обозрение, 2005. С. 224—253.
2. Михайлов А.Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: Либроком, 2010.
3. Полякова Е.Л. «Легенда веков» Виктора Гюго в контексте романтического мифотворчества: дис. ... канд. филол. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 2009.
4. Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015.
5. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002.
6. Barrès M. Les déracinés: le roman de l'énergie nationale. Paris: Plon, 1922.
7. Gervereau L. Pourquoi canoniser Pierre Nora? 01.11.2011 Режим доступа: http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/11/01/pourquoi-canoniser-pierre-nora_1596553_3232.html Дата обращения 14.05.2017.
8. Hugo V. La Légende des siècles. Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/LaLégende_des_siècles Дата обращения 14.05.2017.
9. Hugo V. Préface. La Légende des siècles. Paris: Hetzel, 1859. P. VII–XVII Режим доступа: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Légende_des_siècles/Préface Дата обращения 14.05.2017.
10. Hutton P.H. The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History. New-York: Springer Nature, 2016.
11. Nora P. Entre histoire et mémoire // Les lieux de mémoire, La République, t. I. Pierre Nora (éd.). Paris: Gallimard, 1984. P. XV—XLII.
12. Schenker M.H. Le nationalisme de Barrès: Moi, la terre et les morts. *Paroles gelées*, 2007, 23 (1), 5—25.

УДК: 81'42

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227

“REALMS OF MEMORY” RECONSTRUCTED IN LITERARY DISCOURSE

Svetlana A. Sheypak

RUDN University

10-2A, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198

Abstract. The paper suggests that literary discourse provides “realms of memory” that are necessary, according to Pierre Nora, for reconstructing national collective memory. If “realms of memory” are revealed in literary discourse, the selected “realms of memory” will not be overabundant and ideologically determined, as they are in the monumental edition “Realms of Memory” by Pierre Nora. Following Nora’s semiotic approach, the paper argues that “realms of memory” selected in literary discourse should be perceived as nodes in the national collective memory. They shape national memory as a dynamic system since each author give their personal interpretation in his/her work.

The paper compares how different are authorial interpretations for the “realms of memory” in two works written in the same period: a collection of poems *The Legend of the Ages* by Victor Hugo and a novel *Les Déracinés* by Maurice Barrès. The new actualisations of a “realm of memory” in the literary works allows its new interpretations. However, the intrinsic relationship between the subject who remembers and the object of memory enables to create a “second degree history”, such as it was conceived by Nora, revealing how national memory has been constructed.

Key words: “realm of memory”, “second degree history”, literary discourse, linguistic turn

REFERENCES

1. Milchina, V.A. (2005). “The Epilogue to ‘the Rhine’” Victor Hugo: nationalist rhetoric as a form of compensation for lost greatness In *Republic of literature: France in the global intellectual culture*. Edited by S.N. Zenkin. Moscow: New literary review. pp. 224—253. (In Russ.).
2. Mikhailov, A.D. (2010). French heroic epic. Questions of poetics and stylistics. Moscow: Lib-rokom. (In Russ.).
3. Polyakova, E.L. (2009). “The Legend of the centuries” by Victor Hugo in the context of romantic myth-making: dis. kand. filol. sciences. Lomonosov Moscow State University, Moscow. (In Russ.).
4. Potapova, N.D. (2015). The linguistic turn in historiography. SPb.: Publishing house of the European University in St. Petersburg. (In Russ.).
5. White, H. (2002). *Metahistory converge: the Historical imagination in nineteenth century Europe*. Ekaterinburg: publishing house of Ural University. (In Russ.).
6. Barrès, M. (1922). *Les déracinés: le roman de l'énergie nationale*. Paris: Plon.
7. Gervereau, L. (2011). Pourquoi canoniser Pierre Nora? URL: http://www.lemonde.fr/idees/article/2011/11/01/pourquoi-canoniser-pierre-nora_1596553_3232.html (accessed 14.05.2017).
8. Hugo, V. *La Légende des siècles*. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/LaLégende_des_siècles (accessed 14.05.2017).
9. Hugo, V. (1859). Préface. *La Légende des siècles*. Paris: Hetzel. pp. VII—XVII. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/La_Légende_des_siècles/Préface (accessed 14.05.2017).
10. Hutton, P.H. (2016). *The Memory Phenomenon in Contemporary Historical Writing: How the Interest in Memory Has Influenced Our Understanding of History*. New-York: Springer Nature.
11. Nora, P. (Ed.) (1984). *Entre histoire et mémoire. Les lieux de mémoire, La République*, t. I. Paris: Gallimard. pp. XV—XLII.
12. Schenker, M.H. (2007). Le nationalisme de Barrès: Moi, la terre et les morts. *Paroles gelées*, 23(1). pp. 5—25.

Для цитирования:

Шейпак С.А. Реконструкция «мест памяти» в художественном дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

For citation:

Sheypak, S.A. (2017) “Realms of memory” reconstructed in literary discourse. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

Svetlana A. Sheypak, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1219—1227. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1219-1227.

Сведения об авторе:

Шейпак Светлана Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; *научные интересы:* французская литература, дискурс-анализ, теория вежливости; *e-mail:* svetlana.sheipak@gmail.com

Bio Note:

Sheypak Svetlana Alexandrovna, PhD in Education, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Philology, RUDN University; *Scientific Interests:* French literature, discourse analysis, linguistic politeness; *e-mail:* svetlana.sheipak@gmail.com